

Автор предлагает анализ программы «500 дней» и грустных реалий перехода России к рынку с позиции институциональной теории. Вывод: по-другому быть просто не могло.

Ключевые слова: программа «500 дней», реформирование экономики, институты, теневая экономика, модель Хекшера–Олина

Программы предполагают, а история располагает. По-своему...

Н. И. СУСЛОВ,
*доктор экономических наук,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
Новосибирск
E-mail: nsus@academ.org*

Программа «500 дней»: протокол о намерениях

Значение программы «500 дней» связано вовсе не с тем, что она задала некий «алгоритм» действий по реформированию экономики. Скорее, это меморандум прорыночных сил в России, уже готовых и к конфронтации с федеральным центром, и к выделению республики в самостоятельное государство. Программа недвусмысленно предполагала преобразование СССР в «Союз суверенных государств» с приоритетом республиканских законов.

Союзу как центральной структуре делегировались функции поддержания обороноспособности и государственной безопасности, единой внешнеэкономической политики – поскольку все же декларировалась общность экономического пространства, в том числе за счет регулирования кредитно-денежной системы. Далее – фундаментальная наука, коммуникации, атомная энергетика, космос, чрезвычайные происшествия и стандарты. Налоговая система проектировалась одноканальной, в которой деньги поступали бы только

© ЭКО 2010 г.

в республиканские бюджеты, а затем уже республики должны были «скидываться» на содержание Союза и финансирование исполнения им делегированных ему функций.

Сразу было видно: проект призван создать такие условия, чтобы в любой момент можно было избавиться от лишней «архитектурной конструкции» в виде системы органов Союза. Думается, что такая недвусмысленная прозрачность усилила противостояние между Россией и центральной властью и способствовала тому, что жизнь превзошла даже столь революционный замысел.

Ценность документа, на наш взгляд, состоит и в том, что в нем содержится правильный диагноз административно-командной системе и верное заключение о причинах ее смерти. Так, констатируется, что социально-экономическая система испытывает системный кризис, демонстрирующий «нежизнеспособность всех существующих ее структур»¹. Далее говорится, что «потенциал сегодняшнего социально-экономического кризиса накапливался в течение десятилетий и не мог не проявиться в острых разрушительных формах»².

Мы полагаем, что за десятилетиями накопления структурных и иных искажений стоит принципиальная нежизнеспособность систем функционирования экономики административного типа. Такое устройство экономики не создает ни механизма саморегулирования, основанного на горизонтальных взаимодействиях между звеньями, ни экономических стимулов к развитию. Центр же по мере роста масштабов и усложнения структуры производства теряет сначала стратегические, а затем и оперативные ресурсы управления. Центральные органы управления утрачивают способность усвоения информационных потоков. Думается, это произошло в СССР на рубеже 60–70-х годов прошлого века, когда фактическими хозяевами в стране стали отраслевые министерства, обладавшие всей полнотой информации о своих хозяйствах и имевшие возможность контроля над ними.

¹ Переход к рынку. – М., 1990. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-days.pdf>, с. 21

² Там же. – С. 22.

Говоря современным языком, функционирование все время усложняющейся экономической системы вне рыночных сил самоуправления сопряжено с опережающим ростом транзакционных издержек, возрастающая тяжесть которых рано или поздно раздавливает ее. Это произошло в конце 1990-х годов, что и фиксирует программа «500 дней» – не раньше, поскольку страна использовала природную ренту для компенсации возрастающих убытков.

Важны, конечно, и решительный тон программы, четкое определение этапов, и ошеломляющие сроки преобразований. Скорее, это заявление о намерениях решительно покончить с социалистическим прошлым и о готовности к радикальным рыночным преобразованиям. И о том, что в стране есть силы, которые хотят и могут проводить самые решительные реформы, владеющие научной базой и ясным представлением о том, что и как надо делать.

Значение документа, как мне кажется, трудно понять вне конкретной политической обстановки, сложившейся ко времени его появления. Прежняя эпоха заканчивалась, что понимали даже ее адепты. В воздухе витал исконно русский вопрос: «Что делать?». Программе «500 дней» противостоял другой документ – Л. И. Абалкина – Н. И. Рыжкова, предполагавший постепенный и не столь радикальный переход к рынку, что до сих пор звучит разумно, а для многих – и более привлекательно. Но становилось все более ясным, что «промедление смерти подобно»: еще немного бездействия – и катастрофы не миновать.

В этих условиях популярность программы С. С. Шаталина – Г. А. Явлинского, олицетворявшей решительные действия, росла. Она так и не была принята в Верховном Совете СССР, но получила уверенную поддержку в российском Совете. Конечно, симпатично было бы сделать вывод: вот почему распался СССР – ради реализации программы «500 дней»! Но боюсь, что это не так. Скорее, она сама послужила тем флагом, под которым выстроились силы, поставившие целью достижение реального суверенитета России.

Печальные итоги эпохи. То ли еще будет?

Документ содержит серьезные аргументы в пользу решительных действий: сложившаяся ситуация характеризуется как ставший реальностью системный кризис. Каковы же итоги ушедшей эпохи, которые частично были сформулированы в документе, частично читались между строк, а частично стали понятны лишь теперь, когда мы многое испытали на себе?

Итог первый – огромный по масштабам, плохо увязанный с потребностями людей, относительно неэффективный производственный аппарат. Во многом базировавшийся на третьем технологическом укладе, он позволял производить много, дорого, очень часто плохо и в значительной мере – не то. Много военной продукции – расходы на оборону составляли не менее четверти ВВП – и мало потребительских благ, ресурсоемкость основных продуктов зачастую в разы превышала зарубежные аналоги, продукция не соответствовала структуре реальных потребностей и была низкого качества.

Итог второй – практически полная деградация государственных институтов, которые уже не позволяли ни контролировать ситуацию, ни проводить какие-либо действенные управляющие решения, не говоря уже о реформах.

Итог третий – практически полное отсутствие легальных институтов саморегулирования экономики и рынка. Конечно, в искаженном виде такие институты не могли не возникнуть – любое современное производство требует горизонтальных, прямых взаимодействий между агентами. Если они запрещены официально, как это было в СССР, то они появляются спонтанно в рамках теневой экономики, размеры которой сами работники документа оценили в 20% ВВП (хотя были и более высокие оценки). Концепция «радикальной экономической реформы» 1987 г. предоставила больше экономических возможностей предприятиям и даже индивидуальным предпринимателям, но не создала ответственности за экономические решения. Это только усилило диспропорции – увеличило теневой сектор, давление излишней денежной массы, что привело к тотальному дефициту, усилило экономическое неравенство.

Итог четвертый – огромный государственный внутренний и внешний долг. Как позволяют оценить доступные данные,

к концу 1991 г. – т.е. началу реформ Гайдара – каждый россиянин уже был должен западным кредиторам порядка 650 дол.

Итог пятый – полное расстройство кредитно-денежной системы, огромный отложенный спрос, замерший в ожидании освобождения цен. Он присутствовал как в виде вынужденных сбережений населения, так и в виде ФЭС – фондов экономического стимулирования предприятий. Параллельно существовало и «отложенное предложение» в виде излишних запасов материальных ценностей у предприятий – по-видимому, в сумме около 1 трлн дол. Они также замерли в ожидании либерализации цен и, что важнее, внешней торговли.

Итог шестой – зачаточное состояние гражданского общества, когда людей не связывает ничего, кроме отношений родства, часто сузившихся до одной семьи, проживания по соседству и близости рабочего места. Каждый сам за себя! Социальный капитал в СССР – это «блат»: олсоновские «сообщества с особыми интересами», социальный капитал в которых в лучшем случае нейтрален, а часто враждебен другим членам общества (социальный капитал Олсона). Все существующие организации возникли под патронажем государства и КПСС и потому в новых условиях не выживут.

Итог седьмой – сознание людей. Оно есть продукт полного огосударствления жизни и пронизано иждивенчеством. Грубейшие различия между «моральным кодексом строителя коммунизма» и поведением номенклатуры, между законами писанными и неписанными определяют циничное отношение к закону и официальным лозунгам.

Этот цинизм лег на почву славянской души, определив основной мировоззренческий принцип: не верить никому и ни во что! Никому, кроме мошенников, и ни во что, кроме чуда.

Такова была стартовая позиция России и во многом других стран СНГ в начале так называемого переходного периода. Возможно, что развод советских республик, до боли обидный с позиций исторической перспективы и культурной близости, был оправдан в контексте предстоящих событий, когда каждое новое государство смогло отвечать лишь за свои собственные ошибки. На наш взгляд, даже взяв на себя все обязательства

СССР, Россия выиграла, по крайней мере, на десятилетия поиска новой модели жизни. Обусловленные всем предыдущим развитием колоссальные издержки трансформации социалистического общества в ту, в общем, «недоделанную» систему, в которой мы сегодня живем, были бы еще больше, если бы реформировать пришлось из одного центра экономику всех республик, при их национальном своеобразии и политических амбициях.

После одобрения программы Верховным Советом РСФСР вместо этапов 1 и 2 продолжительностью соответственно 100 и 150 дней последовал этап затягивания. Конечно, для этого имелись политические причины – Россия была в составе СССР и не могла вести полностью самостоятельную политику. Но, думается, – не только это. При решении задач невероятной сложности, заключающихся в создании правовых основ рыночного хозяйства, приватизации, демонополизации и финансовой стабилизации – и все это за 250 дней! – у любого профессионала опустятся руки.

Может быть, чтобы начать, требовался приход непрофессионалов, не обладающих необходимым опытом и специальными знаниями, но зато и без комплексов?

Институты решают все. А если их нет?

Характеризуя выбор между двумя стратегиями перехода к рыночным отношениям – умеренной или быстрой, видный участник тех событий Е. Г. Ясин в более позднем интервью сказал: «Умеренность возможна только тогда, когда вы, удерживая рычаги государственной власти, можете давать указания, издавать декреты, указы, и вас слушаются. А если вас не слушаются? Остается только один вариант – немедленно давать свободу. И чем быстрее, тем лучше»³. Речь шла об освобождении цен на большинство товаров и услуг и либерализации внешней торговли, свободе предпринимательства

³ Реформаторы приходят к власти: Евгений Ясин: «Держаться за какие-то ошметки не было смысла». URL: <http://www.forbes.ru/interview/46156-reformatory-prihodyat-k-vlasti-evgenii-yasin>

практически во всех сферах деятельности, включая финансовое посредничество. Если государственные институты деградировали или были разрушены, остается дать волю спонтанным процессам, так сказать, включить свободное творчество масс.

Какое отношение имеют реформы Е. Т. Гайдара к программе «500 дней»? Думается, что идеологически имеется полное соответствие. Отдельные элементы программы и были реализованы в действительности похожим образом: приватизация, правда, уже после либерализации цен, а не до нее, как предполагала программа. Пусть и не за 100–150 романтических дней, а за несколько лет, и связана она с именем не Егора Тимуровича, а Анатолия Борисовича.

Как это и было намечено в документе, было проведено акционирование крупного бизнеса, создавались биржи, фонды, коммерческие банки. Достаточно быстро была достигнута и внутренняя конвертируемость рубля. Были созданы антимонопольный комитет и другие рыночные структуры, принят пакет законов, призванных обеспечить их функционирование. Всем этим институтам неоткуда было взяться, кроме как быть импортированными из стран, выбранных за «образцы».

Возможно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов действительно казалось, что создать работоспособные рыночные инфраструктуру и законодательство – дело достаточно простое, тем более, что удачных образцов для подражания хватало. Определенный резон в этом есть и сейчас, если посмотреть на страны Восточной Европы, тоже пережившие тяжелые времена, но по большей части успешно решившие задачи перехода к рыночной экономике. Однако сложность проблем институционального строительства явно недооценивались и собственно реформаторами, и их консультантами, и западными профессорами, и международными финансовыми организациями.

Выяснилось, что сделанные по чужим лекалам институты, будь то законодательные акты, организационные формы или методы управления, могут и не приживаться на новой почве, давно не знавшей культурного воздействия частной инициативы и предпринимательства. Они – институты – могут деградировать, мутировать или подвергнуться «захвату» со стороны сильных мира сего. Деградировать – значит просто не срабатывать – как антимонопольное законодательство, и еще

много тому примеров. Мутировать – значит выполнять не те функции, ради которых они создавались. Как, например, законодательство о банкротстве, которое зачастую стало инструментом рейдерского перераспределения собственности.

Другой пример – банковская система образца 1990-х гг., когда коммерческие банки стали во многом просто агентами ЦБ, проводившего кредитную эмиссию. Через них эмитируемые средства доводились до реального сектора, и доход банков формировался из присваиваемой ими части инфляционного налога. Позже прямые кредиты ЦБ дефицита бюджета были заменены на торговлю ГКО, что мало изменило роль финансовых посредников, вообще-то призванных привлекать временно свободные средства населения и фирм и направлять их в сферы, дающие прибыль.

«Захват», или «приватизация» институтов – есть использование их в интересах каких-либо особых групп, как правило, облеченных властью и деньгами: как российский институт народовластия – Дума, где лоббируются интересы, часто далекие от народного блага.

Как нам кажется, есть очень серьезная причина, почему в России и в других странах СНГ институциональное строительство было и сейчас сопряжено с куда большими трудностями, чем в государствах Восточной Европы, Китае или Вьетнаме. Это – изначальная и усиливавшаяся далее слабость *государственных институтов*, даже не столько законодательства, сколько исполнительной власти.

Хочу процитировать высказывание бывшего министра сельского хозяйства государства Замбия Драгана Споттинга из его отклика на публикацию российского экономиста В. Попова⁴: «Это должно звучать как парадокс, однако истинность данного утверждения осознается все более широким кругом экономистов: успех капиталистической экономики зависит от эффективности общественных институтов. Эти институты – «Государство» – необходимы, чтобы обеспечить права собственности, соблюдение контрактов, повысить справедливость налогообложения и использование налоговых доходов для

⁴ *Ропов V. Is Chinese Variety of Capitalism Really Unique? – 2010. – 10 June. URL: http://www.networkideas.org/featart/jun2010/fa25_Unique.htm*

развития необходимой инфраструктуры, обеспечить стандарты, независимость судов, защитить рыночную конкуренцию, без которой капиталистическая эффективность исчезает».

В полной мере эти слова относятся и к периоду становления капиталистических отношений. Паралич государственной власти лишает возможности наложить наказание за несоблюдение правил, и это тем более справедливо, чем более влиятельный и богатый экономический агент идет на нарушение. Институты государства, по выражению министра экономики Грузии Кахи Бенукидзе, «имеют изнанку», которая может быть совершенно непохожей на благородные миссии, написанные на их фасадах.

Ах, моя милиция, ах, ГИБДД! Занимается ли прокуратура надзором? Защитит ли нас суд? Бесплатная медицина, почему ты лечишь нас? Да и лечишь ли? Университеты... Да простят нас все честные люди, работающие в государственных организациях...

Коррупция с российским лицом? Не только с российским...

Почему благие начинания, объявляемые самим же правительством, превращаются в неблагие окончания? Или уходят в забвение? Есть на то, думается, исторические причины: современная российская бюрократия унаследовала основные свойства своих предшественников – номенклатурный принцип воспроизводства, называемый также «отрывом от народа», воинствующий непрофессионализм, основанный на вере в простую силу власти.

Но есть и еще один аспект, возникший в новых, куда более либеральных экономических условиях. Новые чиновники быстро поняли, что бизнес можно пасти, доить, стричь, а если что, то и под нож пускать. Но и бизнесмены столь же быстро сообразили, что безопаснее быть пастухами. Срачивание бизнеса и власти, усилившее слабость государственных институтов, и называется коррупцией с российским лицом. При двух оговорках: то же происходит и в других странах СНГ – это раз, есть еще и «бытовая» коррупция, также весьма обширная,

но имеющая дело не с бизнесом, а с нами, т.е. с «населением», – это два. Ни для кого не секрет, что малый бизнес откупается от государственных структур первичного уровня, крупный – покупает государственные структуры более высокого уровня и сам стремится во власть, а чиновники всех уровней обнаруживают стремление контролировать бизнес.

Такое «партнерство бизнеса и власти» привело к тому, что теневая экономика расцветает всеми оттенками серого цвета, вплоть до самых густых черных тонов. Коррупция и теневая экономика имеются во всех без исключения странах. Они, как «любовь и разлука не ходят одна без другой» – да простит нас Булат Шалвович Окуджава за использование его строки всуе. Но есть в этой дружбе маленькая разница, которую можно увидеть при сравнении более благополучных стран, построивших себе хорошие, правильные институциональные системы и потому более богатых, и менее цивилизованных стран Латинской Америки, Африки, СНГ, да и некоторых государств Восточной Европы тоже, где институты работают не ахти как.

Если в первой группе стран рост теневой экономики вследствие произвола чиновников приводит к уменьшению коррупции, поскольку сокрытие дохода здесь есть уменьшение возможностей для поборов, то во второй – усиливает коррупцию. Это происходит как раз вследствие взаимопроникновения властных структур и бизнеса: здесь чиновник контролирует теневую деятельность. В первом случае работает отрицательная обратная связь, а во втором – положительная. Поэтому средние размеры теневой экономики в странах ОЭСР – менее 20% ВВП, а в странах СНГ – превосходят 50%. В Грузии, например, доля скрываемого дохода достигает 70%⁵.

Приведенная в программе «500 дней» цифра для Советского Союза конца 1990-х годов 20%, наверное, занижена. Так, по данным исследования Беркли–Дюка по оценке «второй экономики» в СССР⁶, относящегося к концу 70-х годов прошлого

⁵ *Schneider F., Buehn A. and Montenegro E. Shadow Economies all over the World: New Estimates for 162 Countries from 1999 to 2007, Electronic Publication, Name of file: SHADOW ECONOMIES_June8_2010_Finalversion.doc.*

⁶ *Grossman G. Wealth Estimates Based on the Berkeley-Duke Emigre Questionnaire: A Statistical Compilation // Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR. – 1991. – № 27. May.*

столетия, средний по республикам доход, полученный из неофициальных источников, в общем доходе работников составлял порядка 36%, что говорит о совсем других размерах теневого сектора в СССР. В настоящее время доля теневой экономики в России, как позволяют судить разные источники, дающие очень похожие данные, достигает уже 50% – она росла все годы после распада Советского Союза. Коррупция и теневая экономика пронизывают всю нашу жизнь и, конечно, в долгосрочной перспективе мешают развитию, поскольку теневые доходы в гораздо меньшей степени могут использоваться для развития производства, а, как правило, идут на потребление или вывозятся за рубеж. Поэтому чем больше теневой сектор, тем при прочих равных условиях ниже норма накопления и темпы роста.

Теневые доходы способствуют и росту экономического неравенства в обществе – явлению, которое испортило имидж демократии в России, ведут к недобору налогов, определяя отставание общественного сектора и низкое качество регулирования. В краткосрочной перспективе есть, однако, нюансы. Коррупция и теневая экономика настолько встроены в экономический быт, что стали двигателем развития, часто заменяя собой механизмы рыночного отбора и конкуренции. Если официальные механизмы функционирования экономики работают плохо, поскольку сопряжены с высокими транзакционными издержками, то бизнесу бывает проще не продираться сквозь многочисленные согласования и разрешения, а откупиться от них. Поэтому, судя по статистике последних десятилетий, во многих не слишком благополучных странах – не только в России – чем выше экономический рост, тем сильнее коррупция и гуще тень.

Есть структурные сдвиги!

А от экономических моделей тошнит

Слабость государственных и рыночных институтов делает очень проблематичным регулирование экономики, в частности, структурные маневры. Романтизм программы «500 дней» в том и состоял, что она предусматривала достаточно быстрый ресурсный маневр, основанный на первоначальном

сокращении инвестиционного спроса, конверсии военного производства и перераспределения ресурсов из водохозяйственного строительства и некоторых других сфер, где инвестиционная деятельность была особенно неэффективной. Предполагалось направить их в пользу жилищного строительства, гражданского производства, для укрепления производственной инфраструктуры и, наверное, сектора рыночных услуг. Более точно «адреса» не указаны, по-видимому, потому, что главным пафосом здесь был «сброс» излишнего инвестиционного спроса и излишних мощностей.

В среднесрочной перспективе – до 5 лет – предполагалось довершить работу над созданием институтов рынка, с помощью которых затем по мере роста масштабов экономики осуществлять политику достижения желаемой производственной структуры на основе создания современных наукоемких и экологозащитных технологий. Надо сказать, что первоначальное сокращение спроса произошло в реальности похожим образом – как результат резкого сокращения государственных расходов: и за счет инвестиций, и за счет уменьшения военного бюджета.

А вот маневр – не получился совсем. Чтобы перенаправить ресурсы из одной сферы производства в другую, нужен соответствующий механизм – либо государственный, либо рыночный. Если нет ни того ни другого, то и результат будет соответствующим. Сокращение государственных расходов, как подсказывают уже самые простые макроэкономические модели, ведет к значительному сокращению совокупного выпуска, если одновременно не возрастают другие элементы совокупного спроса. Что и произошло.

Однако структурные сдвиги в России, сопровождавшие весь период реформ, невозможно понять вне контекста либерализации внешней торговли и внешнеэкономической деятельности. Тогда же – в начале 90-х гг. прошлого века – начался процесс, роль которого, как нам кажется, недооценивается: Россия начала встраиваться, интегрироваться в мировое хозяйство. За четверть века до указанных событий Владимир Высоцкий написал шуточную песенку про созвездие Тау Кита. В ней он назвал теорию относительности Эйнштейна «гнушной»: пока герой летал к этой звезде, на земле прошло «лет триста», и знакомых у него не осталось.

В экономической науке таких «гнусных» теорий много, и они приписывают экономическим событиям происходить совсем не так, как нам бы хотелось. И на самом деле так и происходит!

Одна из таких «преотвратных» теорий называется моделью внешней торговли Хекшера–Олина. В соответствии с ней страны интегрируются в мировую экономику теми секторами, где в наибольшей мере используются производственные факторы, которыми они обладают в относительном изобилии. Для Китая таким ресурсом является труд, для Японии – высокие технологии, для США – капитал, высокотехнологичные услуги и интеллектуальный ресурс, для Нигерии и Венесуэлы – нефть. Те секторы экономики, в которых такие производственные факторы используются наиболее интенсивно, оказываются относительно более развитыми и имеют высокие доли в структуре выпуска за счет других секторов.

Для России ресурсы специализации – это природные факторы, в первую очередь – топливно-энергетические: нефть, газ, уголь и гидроэнергия. Согласно вышеупомянутой модели, после либерализации внешней торговли начнет возрастать доля добывающей промышленности, отраслей ТЭК и производства энергоемкой продукции. В общем-то, так и происходило, особенно если взять не весь совокупный выпуск, где доля сектора услуг, прежде сильно недоразвитого, скачкообразно возросла и к середине 1990-х годов достигла 50% ВВП (в неизменных ценах), а структуру выпуска товаров. Доля электроэнергетики и топливной промышленности к 1996 г. по сравнению с 1990 г. в промышленном выпуске страны возросла более чем в 1,5 раза (также в неизменных ценах) и превысила 40%. При двукратном сокращении объема выпуска товаров производство энергетической продукции в натуральном измерении (в единицах условного топлива) уменьшилось лишь на 25%, т.е. вдвое меньше. При этом если экспорт энергоресурсов упал примерно на 30%, то чистый экспорт, более правильно отражающий специализацию страны, – лишь примерно на 10%⁷.

⁷ Анализ взаимодействий экономики и энергетики в период рыночных преобразований / отв. ред. М.В. Лычагин, Л.Б. Меламед. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. – С. 139.

Еще более показательны цифры полного экспорта и полного чистого экспорта, рассчитанные, правда, не в натуральных единицах, а в постоянных ценах. Эти показатели учитывают вывоз не только самих энергоносителей, но также и энергии косвенным образом – в других товарах, на изготовление которых использовались отечественные энергоресурсы.

Так, в середине 1990-х годов полный экспорт продукции ТЭК составил половину всего его выпуска, а по нефтегазовому комплексу соответствующая цифра превысила 60%⁸. Интересно, что при этом косвенным образом вывозилась четверть всей продукции электроэнергетики – также за счет вывоза энергоемкой продукции, главным образом, металлов. К середине 1990-х годов при общем спаде производства товаров, как уже говорилось, почти вдвое, полный чистый экспорт энергоресурсов возрос, и достаточно заметно – на 15%⁹. Другими словами, экономика России в значительной мере усилила свою специализацию на производстве энергетической и энергоемкой продукции.

Одновременно шло сворачивание перерабатывающих производств, которые просто не выдерживали конкуренции с западными предприятиями в силу их низкой эффективности, что, увы, тоже предсказывается моделью Хекшера–Олина. Куда же шли «высвобождаемые» ресурсы? Главным образом, вывозились за рубеж. По нашим расчетам, теневой вывоз из России за период 1991–1996 гг., рассчитанный нами как разница между ВВП и всеми статьями расхода с учетом того, что материальные оборотные средства предприятий сократились по сравнению с началом периода почти на порядок, составил около 750 млрд дол.¹⁰ В 1992 г., когда предприятия получили доступ на внешние рынки, было вывезено за рубеж денежных средств и материальных ценностей в размере почти половины ВВП данного года¹¹. Столь огромные масштабы вывоза в значительной степени объясняются очень большой

⁸ Анализ взаимодействий экономики и энергетики в период рыночных преобразований / отв. ред. М.В. Лычагин, Л.Б. Меламед. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. – С. 136.

⁹ Там же. – С. 139.

¹⁰ Там же. – С. 106. См. также: *Ханин Г. И., Суслов Н. И.* Экономика России в 1991–1996 гг.: альтернативная оценка // ЭКО. – 1997. – № 11. – С. 45–69.

¹¹ Там же. – С. 103.

разницей в ценах на товары и ресурсы внутри России и в странах дальнего зарубежья. Это означало, что рентабельность теневых операций по теневому вывозу была столь высока, что покрывала любые риски.

Как это банально: что посеешь, то и пожнешь

Как же можно оценить результаты реформ за прошедшие 20 лет? Программа «500 дней», конечно, не была реализована, поскольку и не могла быть реализована. Но она послужила если не пусковым механизмом их начала, то, по крайней мере, неким образцом для реформаторов, их протоколом о намерениях. Думается, произошло то, что и должно было произойти. Мы сильно сомневаемся, что наша история в этот период могла быть совсем другой.

В России есть частный бизнес, есть рынки, многие российские фирмы умеют работать. В России достаточно людей, которые хотят честно зарабатывать, используя рыночные механизмы. Но в России слишком много чиновников и нет гражданского общества, в России слабые рыночные и государственные институты. В России высокая коррупция. Как и во многих других странах мира.

Европейский банк развития и реконструкции разработал для бывших социалистических стран специальный показатель, называемый индексом стартовых условий¹². Он суммирует структурные искажения, имевшие место в начале перехода в данной стране по сравнению с рыночными образцами, географические и климатические особенности, наличие природных ресурсов, оценку квалификации рабочей силы. Данный индекс очень сильно коррелирует с показателем максимальной глубины спада во время трансформационного кризиса. А в регрессии объясняет половину амплитуды сокращения ВВП.

Таким образом, есть аргументы за то, что те «издержки», которые наше общество уже понесло в связи с построением капитализма, и те, которые мы, наверное, еще понесем, во многом были определены стартовыми условиями, с которыми страна вошла в реформы.

¹² Transition Report 2001: Energy in Transition, EBRD, 2001. – С. 19.